

Максим Довгялло*
советник генерального директора СУЭК**

На борьбу с абсурдом уходят годы

Россия ежегодно производит совершенно сумасшедшие объемы отходов, но 90% из них составляет то, что нигде в других странах отходами не является, а именно – вскрышные и вмещающие породы. Это ставит Российскую Федерацию в неравное положение с другими государствами. Нас начинают воспринимать как глобального экологического загрязнителя, как страну, которая не заботится об окружающей среде, что не только портит наш имидж, но и создает определенные препятствия, в том числе и в экономической жизни. Наши предприятия рассматриваются как предприятия грязные, а в нынешних условиях это чревато и введением разных ограничительных мер.

Различные подходы, которые сегодня реализуются для исправления ситуации, в первую очередь осуществляются на площадках наших профильных министерств: Минприроды, Минэнерго, Минпрома. Большой шаг был сделан в этом году, когда после четырех лет обсуждения наконец появился проект федерального закона, снимающий запрет на использование золошлаковых отходов для целей рекультивации земельных участков и

ликвидации горных выработок (речь идет и о подземных, и об открытых горных выработках. – «Ведомости»). Три года уже разрешено использовать вскрышные и вмещающие породы 4-го и 5-го классов опасности, а также отходы металлургического производства для ликвидации горных выработок. Однако в то же время мы имеем ежегодно производимые примерно 30 млн т и накопленные в размере порядка 2 млрд т золошлаковые отходы тоже 4-го и 5-го классов опасности, которые законодательство не позволяет использовать для указанных целей. Что получается? Добывая полезные ископаемые открытым способом, мы копаем яму. Чтобы эту яму ликвидировать, мы частично можем использовать вскрышные и вмещающие породы, но, поскольку полезное ископаемое мы оттуда изъяли, целиком заполнить яму этими породами не можем. И мы начинаем копать другую яму, чтобы и достать ископаемые, и осуществить засыпку. Возникает эффект самораскручивающейся спирали, когда чем больше мы занимаемся рекультивацией, тем больше копаем новых ям, а следовательно, увеличиваем количество объектов, которые необходимо рекультивировать.

*МАКСИМ ДОВГЯЛЛО
Окончил МГТУ им. Н. Э. Баумана, Институт переподготовки и повышения квалификации финансовой академии при правительстве РФ, прошел программу подготовки высшего уровня резерва управленческих кадров в РАНХиГС. Работал в банковской сфере, финансовых подразделениях крупных компаний («Роспром», НК «ЮКОС»), возглавлял направление «Кредитование коммерческой недвижимости» фонда «Институт экономики города». В 2002–2004 гг. – начальник управления корпоративного взаимодействия в СУЭК и группе МДМ, затем отдела корпоративного взаимодействия и контроля СУЭК. Советник гендиректора СУЭК с 2006 г.

АО «СУЭК»
Угольный холдинг. Основной бенефициар – Андрей Мельниченко (контролирует 92,2%). Выручка по МСФО в 2017 г. – \$5,7 млрд, чистая прибыль – \$657 млн. Добыча угля (2017 г.) – 107,8 млн т.

Очень хорошо, что в прошлом году позиция бизнеса, который неоднократно указывал на абсурдность ситуации, была услышана. Был подготовлен проект федерального закона. Его автором и инициатором, к сожалению, выступило не Минприроды, а Минэнерго. Законопроект был согласован со всеми федеральными органами исполнительной власти, прошел согласование в Минюсте. А затем был остановлен администрацией президента на том основании, что недостаточно комплексно решал проблему. Аргументация администрации была такова: «Да, вы правильно ставите вопрос, что необходимо вовлекать эти виды отходов в экономический оборот. Но вы ставите проблему недостаточно амбициозно. Необходимо кардинально пересматривать законодательство. Необходимо кардинально решать проблему, в том числе с выведением из-под понятия отходов вскрышных и вмещающих пород. Поскольку, если мы их используем для целей ликвидации [горных выработок], какие же это отходы? Они же не размещаются, а используются как инструмент, чтобы устранить экологический ущерб». Вопрос был возвращен на доработку.

В марте наконец была достигнута договоренность с администрацией президента. Была согласована финальная версия законопроекта, которая предоставляет право на использование отходов золошлаковых, вскрышных и вмещающих пород, а также отходов обогащения угля и руды 4-го и 5-го классов опасности для ликвидации горных выработок и для рекультивации нарушенных земельных участков, что существенно расширяет инструментарий.

В настоящее время идет финальная вычитка документа. Согласование по нему получено от всех профильных ведомств. Мы рассчитываем, что на следующей неделе он будет направлен в правительство от Минэнерго. И очень надеемся, что этот действительно многострадальный законопроект будет принят в ближайшее время, лучше всего – в весеннюю [парламентскую] сессию.

Юрий Маркин*
руководитель отдела страхования ответственности AIG в России**

Как управлять рисками

тема экологического страхования напрямую связана со стратегией промышленной безопасности любого предприятия. Напомню, что

согласно основам развития государственной экологической политики до 2030 г. внедрение экономических механизмов компенсации, возмещения ущерба является приоритетным.

*ЮРИЙ МАРКИН
Окончил юридическое отделение факультета экономики и права Московского государственного лингвистического университета и Американский институт дипломированных андеррайтеров по страхованию имущества и ответственности (CPCU). Получил степень магистра права (LL.M.) в Северо-Западном университете в Чикаго. В российском офисе AIG – с 2007 г., в настоящей должности – с 2009 г.

Я хотел бы поговорить об управлении экологическими рисками с той точки зрения, когда уже произошло невозвратное. Здесь мы все рассуждаем о методах контроля частоты наступления экологических рисков, внедрении наилучших технологий, рациональном использовании полезных ископаемых, соблюдении экологических норм. А что происходит, когда эти методы по контролю риска не помогли, когда происходит экологическая катастрофа? Насколько готовы к этому наши компании и предприятия?

Приведу небольшую статистику, собранную нашей группой в целом по миру. В 2016 г. мы подготовили отчет по регулированию убытков в сфере экологических рисков. Лидерами в списке отраслей, способствующих загрязнению, являются транспорт, связь, электроэнергетика, нефтяная и газовая промышленность. На 2-м месте – промышленное производство, сельское и лесное хозяйство, строительство.

Три вида хозяйственной деятельности, которые наиболее часто способствуют возникновению страховых событий, – это сбор и обработка сточных вод, управление топливными запасами и сбор и утилизация промышленных отходов. Наиболее распространенными видами загрязняющих веществ являются нефтяные углеводороды и сточные воды.

Насколько вообще страховые компании готовы работать с экологическими рисками? С позиций риск-менеджмента экологические риски относятся к категории событий, которые происходят не часто. Но если происходит, то обладают достаточно большим масштабом ущерба. И с этой точки зрения экологический риск является идеальным для передачи его предприятиями страховой компании. Но грань между большими убытками и катастрофичностью очень тонкая. Поэтому лишь в последние 20–30 лет страховой рынок научился управлять экологическими рисками.

С какими возражениями мы сталкиваемся, когда предлагаем клиентам застраховать экологические риски? Первый аргумент – вред окружающей среде застрахован в рамках 225-го закона [«Об обязательном страховании гражданской ответственности владельца опасного объекта за причинение вреда в результате аварии на опасном объекте» от 27.07.2010]. На самом деле это не так. Статья 1 этого закона прямо исключает вред окружающей среде. Более того, если там прямо не исключен вред жизни и здоровью в результате загрязнения,

то максимум, на что вы сможете рассчитывать, – это 750 000 руб. Но, возвращаясь к катастрофичности экологических рисков, вы можете понять, насколько недостаточна будет эта сумма. В результате аварии на Саяно-Шушенской ГЭС компания «Русгидро» заплатила за вред окружающей среде по иску Росприроднадзора 120 млн руб.

Мы постоянно сталкиваемся с заявлением требований, связанных, например, с прорывом нефтепроводов. Если говорить о горнодобывающей промышленности, то это шламохранилища, хвостохранилища (комплекс специальных сооружений и оборудования для хранения или захоронения радиоактивных, токсичных и других отвальных отходов обогащения полезных ископаемых. – «Ведомости»). И надо понять, что регулирование экологических рисков и убытков – это длительный процесс. Это не просто приехали – смыли водой или приехали – взяли грунт и увезли куда-то. Это достаточно сложная процедура с отбором проб, с постоянным мониторингом ситуации. Например, в западных странах регулятор обязывает [страховые компании] проводить на предприятии, где произошла экологическая авария, специальный мониторинг в течение 10–13 лет. То есть в течение этого времени мы постоянно несем ответственность и, соответственно, расходы.

Мое мнение: в Российской Федерации нужно внедрять экологическое страхование, которое, к сожалению, в настоящее время носит декларативный характер, потому что

AMERICAN INTERNATIONAL GROUP, INC. (AIG)

Почти все акции – в свободном обращении, крупнейшие институциональные инвесторы – Vanguard Group (6,8%), Capital Research Global Investors (6,4%). Капитализация – \$50,8 млрд. Выручка в 2017 г. – \$49,5 млрд, чистый убыток – \$6,1 млрд, активы – \$498,3 млрд. Активы «дочки» AIG, АО «АИГ страховая компания» в 2017 г., – 6,8 млрд руб., сбор премий (с учетом перестрахования) – 2,9 млрд руб. (отчетность по РСБУ).

статья 18 закона «Об охране окружающей среды» лишь разъясняет, что такое экологическое страхование.

Ситуация меняется, растут и правовая культура, и правосознание, и в том числе страховая культура предприятий. Немного лучше обстоит ситуация с экологическим страхованием в нефтегазовом секторе. Хуже – в горнодобывающем секторе. Но мы выступаем, конечно, за комплексное экологическое страхование, которое позволит покрыть не только убытки, но и, например, расходы на расчистку собственной территории предприятия.

И еще небольшой комментарий относительно накопленного вреда окружающей среде. На пленарной сессии представитель Минприроды сообщил, что с 2012 г. у нас рекультивировано и утилизировано накопленного вреда окружающей среде на 4,5 млн т. Вместе с тем Минприроды признает, что общий объем накопленных отходов составляет 400 млн т. Если мы будем двигаться такими темпами, то государство не справится. Здесь я хотел бы присоединиться к коллеге [заместителю гендиректора «Уралхима» Ринату Гизатулину], который указал в своей презентации на необходимость передать бизнесу часть обязанностей по рекультивации и ликвидации части вреда окружающей среде. Я давно занимаюсь этой проблемой и считаю, что эффективный метод здесь – государственно-частное партнерство. Также решать ее нужно путем предоставления бизнесу налоговых льгот. ■

Ринат Гизатулин*
заместитель генерального директора «Уралхима»**

Бессмысленная плата

Напомню о том, что отходы 1-го и 2-го классов опасности наиболее токсичны, наиболее легко переносятся из одной среды в другую, дольше всего остаются в неизменном виде в компонентах окружающей среды. И именно по этим классам опасности никаких управленческих решений 15, по-моему, лет не предпринималось.

Сейчас государство практически не участвует в организации удаления этих промтоходов, не стимулирует более полное использование сырья, предотвращение образования отходов и возврат в хозяйственный оборот. «Росатом» и Минприроды обратилась к президенту с предложением создать федерального оператора по обращению с отходами 1-го и 2-го классов опасности. Есть предприятия, которые не хотят заниматься этими отходами, учитывая, что их у них образуется несколько десятков килограммов за год. И готовы были бы работать с крупным игро-

ком, который будет на понятных условиях собирать отходы, транспортировать, перерабатывать, захоранивать. Сейчас к согласованию этого законопроекта, который находится на рассмотрении ФОИВов, подключился Минпромторг – надеюсь, что он подойдет к проблеме достаточно внятно.

В России отсутствует достоверная информация об объемах образования в обращении с промтоходами как в территориальном, так и в отраслевом разрезе. Никто не знает, сколько образуется отходов, куда они деваются, формы статотчетности позволяют исказить эту информацию, а на то, чтобы перепроверить отчеты предприятий, у органов контроля и надзора нет ни сил, ни полномочий.

Плата за негативное воздействие на окружающую среду, за размещение отходов именно 1-го и 2-го классов опасности, на мой взгляд, бессмысленна. Она ни к чему не стимулирует, ни к чему не побуждает и с точ-

*РИНАТ ГИЗАТУЛИН

Окончил Пермский государственный университет. Кандидат исторических наук. С 2004 г. работал в Минприроды, в 2011–2015 гг. – заместитель министра. В 2016–2017 гг. – вице-президент «Алрось», с мая 2017 г. – заместитель генерального директора «Уралхима», советник гендиректора «Уралкалия».

АО «ОХК «УРАЛХИМ»

Акционеры (данные компании на 31 декабря 2015 г.): UralChem Holding P.L.C. (99,9999%) и CI-Chemical Invest Limited (0,0001%), бенефициары – Дмитрий Мазепин (95%) и менеджмент (5%). Выручка по РСБУ в 2016 г. – 59,9 млрд руб.

ки зрения экономики предприятия является неким неналоговым платежом. Мы считаем, что необходимо вообще в корне пересмотреть плату за негативное воздействие и не повышать ее. Либо пусть же государство пересмотрело подход, сделав ее тем или иным стимулирующим налоговым платежом, и объяснило нам, что с этой группой отходов необходимо делать.

К сожалению, с точки зрения экономики нам выгоднее размещать промтоходы на полигонах, чем вовлекать их в оборот. В том числе и потому, что по некоторым видам отходов никаких технологий в мире не существует. И какие бы планы Минпромторг ни написал, какое бы оборудование мы ни попытались сюда привезти, есть виды отходов, которые могут только захораниваться. Именно поэтому в той же Америке свыше 60% таких отходов захоранивают в глубоких горизонтах.

Очень важный вопрос – регулирование захоронения промтоходов в недрах. Для всей нашей отрасли это актуально в части, например, закачек сточных вод – у нас есть определенные сточные воды, значительные по объему, которые абсолютно соответствуют по качеству той воде, которая протекает в недрах. Но мы, исходя из требований законодательства, сбрасываем в пресные водные объекты – речку Кама, Волга и проч. – и платим за это. То же самое касается опасных отходов. Есть виды отходов, которые безопаснее и эффективнее захоранивать на глубинах свыше 2 км. К сожалению, процедура такова, что нормальный бизнес это делать не может – просто никогда на это лицензию не получит, хотя законом предусмотрены возможные нормы. ■